

М. А. Журинская (Ин-т языкознания АН СССР) сделала доклад «Именные possessивные конструкции в меланезийских языках». При этом основное внимание было обращено на конструкции так называемой неотторжимой принадлежности. Их историко-социологическая интерпретация, предложенная в свое время Л. Леви-Брюлем, не может быть признана достоверной как в силу неправомерности отождествления форм языка и мышления, так и в результате анализа языковых данных. В докладе уточнялась собственно лингвистическая интерпретация рассматриваемого явления и намечались пути его дальнейшего изучения, в том числе и в общезыковедческом плане.

Л. Г. Стефанчук (Ин-т востоковедения АН СССР) выступила с докладом «Изменение колониальной политики в сфере просвещения в 60-е годы (на примере Папуа—Новой Гвинеи)». В докладе отмечалось, что вместо политики замедленного распространения начального образования австралийская администрация этой территории взяла в 60-х годах курс на постепенное создание системы среднего, профессионально-технического и высшего образования. По мнению автора, такое изменение политики властей объяснялось неизмеримо возросшей потребностью колониальной администрации в местных квалифицированных кадрах, усилившейся тягой коренного населения к знаниям и давлением со стороны международной общественности.

Два доклада представили филологи-австраловеды: М. Г. Григорьева (МГУ) рассказала о творческом пути А. Л. Гордона (вторая треть XIX в.), отражающем возникновение австралийской национальной поэзии, а О. В. Родзевич (Ин-т литературы АН УССР) проанализировала австралийский социальный роман 1930-х годов на примере творчества В. Палмера.

Доклад С. С. Мастыкиной (МГУ) «Проблемы этнографии Австралии и Океании в советской исторической литературе 30-х годов» носил историографический характер. В нем были проанализированы соответствующие публикации в журналах «Проблемы истории докапиталистических обществ» и «Советская этнография», рассказано о трудах С. А. Токарева, Е. Ю. Кричевского, В. И. Равдоникаса, И. И. Винникова, А. М. Золотарева и ряда других исследователей.

В сообщении П. Н. Нурмекунда (Тартуский гос. ун-т) были приведены любопытные факты о зарождении в середине XIX в. эстонской океанистики.

В заключение был показан цветной документальный фильм «К берегам далекой Океании» (автор сценария А. А. Аксенов, режиссер и оператор В. Г. Рыжлий, оператор А. Н. Попов), снятый во время экспедиции 1971 г. на «Дмитрии Менделееве».

Заседания конференции проходили при большой активности присутствующих. По ряду докладов развернулись оживленные прения, причем некоторые их участники, по существу, сделали самостоятельные сообщения.

К сожалению, на этой конференции, как и на предыдущей, не были представлены быстро развивающиеся научные центры Сибири и Дальнего Востока.

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

Д. Д. Тумаркин

СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Симпозиум состоялся в Ленинграде 18—19 июня 1974 г. Он был организован Научным советом по комплексному изучению истории мировой культуры при Президиуме АН СССР, в организации его принимали участие Институт этнографии АН СССР, Институт археологии АН СССР и Институт философии и права АН Армянской ССР. Кроме того, в работе симпозиума участвовали этнографы, археологи и философы других учреждений Москвы, Ленинграда, Еревана, Свердловска и других городов. Два дня работы симпозиума были посвящены обсуждению докладов Э. С. Маркьяна, Ю. В. Бромля и Ю. Н. Захарука и дискуссии по затронутым ими проблемам, причем

тексты докладов не зачитывались, так как участники заседаний были ознакомлены с ними заранее.

Со вступительным словом на симпозиуме выступил академик Б. Б. Пиотровский, который указал на важность затронутых в докладах вопросов.

Программа симпозиума включала обсуждение следующих проблем; 1) общая характеристика культурологического подхода к общественным явлениям; 2) культура как предмет этнографических и археологических исследований; 3) проблема культурно-исторической типологии.

В докладе «О специфике культурологического рассмотрения общественных явлений» Э. С. Маркарян, касаясь проблемы соотношения культурологического и социологического знания, обратил внимание на трудности, возникающие при вычлениении из социального целого предмета исследования культурологии, ибо культуру необходимо не только рассматривать в качестве особого измерения общества, но и выделить ее в ряду других измерений.

Формулируя определение культуры как «специфического способа человеческой деятельности», Э. С. Маркарян обратил внимание на отсутствие в прежних попытках определения культуры понятия «деятельность», что является, по его мнению, причиной их неудовлетворительности.

Э. С. Маркарян поставил вопрос о проблеме понимания культуры как общего адаптивного механизма общества. Общество предстает в этом плане как «универсальная адаптивно-адаптирующая система», а история культуры — как адаптация к изменяющимся условиям среды путем выработки различных форм человеческого существования. Данное определение культуры предполагает «систему специфических средств и механизмов, благодаря которым люди (в отличие от чисто биологических систем), решают свои проблемы».

Говоря об «аксиологической» и «дезаксиологической» трактовках культуры, Э. С. Маркарян указал на то, что они не являются взаимоисключающими. Каждая из двух трактовок имеет право на существование в зависимости от целей, которые ставит перед собой исследователь: гуманитарно-воспитательные и управленческие задачи требуют «аксиологического» подхода, научно-исследовательские — «дезаксиологического».

Касаясь деления культуры на материальную и духовную, Э. С. Маркарян отметил, что в основе такого деления должно лежать функциональное основание. В соответствии с двумя функциями культуры одни ее элементы направлены на биофизическую среду, включая и человека, а другие — «на духовный мир людей, их сознание и психику в целом», при этом некоторые элементы культуры могут выполнять роль и «материальных», и «духовных».

Э. С. Маркарян считает, что в соответствии с двумя уровнями исследования должны быть выделены общая и конкретная историческая культурологии. Первая займется изучением общих свойств культуры. Вторая же — исследованием «исторически данных культур».

Но исследование «исторически данных культур» требует двух уровней абстракции, на одном из которых изучаются «общие исторические типы культур», а на другом — «локальные исторические типы культур». Смешение этих двух аспектов исследования недопустимо; необходимо, по мнению автора доклада, их умелое сочетание.

Наконец, касаясь соотношения культуры как специфического способа человеческой деятельности со способом общественного производства, Э. С. Маркарян указал, что понятие общественно-экономической формации помогает установить «критерии однотипности и разнотипности культурно-исторических систем в зависимости от занимаемого ими места в развитии мировой культуры».

Ю. В. Бромлей представил на обсуждение доклад «Культура как предмет этнографических исследований». Автор отметил, что для решения сформулированной в названии проблемы необходимо выяснить: 1) что такое культура; 2) какова предметная область этнографии.

Исходя из деления человеческой деятельности на сферу производства и сферу потребления, Ю. В. Бромлей выделил последнюю, обозначаемую обычно термином «быт». Относящиеся к этой сфере компоненты культуры и объединяются понятием «бытовая культура». Последняя противопоставляется «профессиональной» культуре (относящейся к специализированному производству). Автор отметил, что на ранних стадиях развития об-

щества производственная и бытовая культуры едины и лишь впоследствии происходит их расчленение.

Далее докладчик перешел к рассмотрению вопроса о предмете и объекте этнографии. Опираясь на укрепляющееся ныне представление, что объектом этнографии являются этносы, он указал, что культура изучается здесь в аспекте ее функционирования в рамках этносов. Но поскольку культуру этносов изучают многие науки, автор предлагает ввести критерий для определения предмета этнографии. Таким критерием, по его мнению, может служить этническая специфика. В результате в поле зрения этнографа оказываются те компоненты культуры, которые выполняют этнические функции, т. е. функции внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации, осуществляемые, помимо языка, традиционно-бытовыми компонентами культуры.

Отмечая значение анализа внутренней структуры этнических общностей, Ю. В. Бромлей говорил о важности и другого, ареального аспекта исследования, ибо судить о выполнении каким-то элементом культуры этноса этнических функций можно, лишь зная его пространственное распространение.

В докладе «Некоторые проблемы культуры и археология» Ю. Н. Захарук, принимая в основном определение культуры, предложенное Э. С. Маркаряном, настаивал на включении в это определение «результатов человеческой деятельности» и подчеркивал, что это с позиции археологии весьма существенно. Формула культуры, по его мнению, выглядит так: $K(D \rightarrow P)$, где K — культура, D — деятельность и P — результаты. Автор призывал учитывать различную природу составляющих культуру компонентов: D относится к категории процессов, а P — «к категории вещей, вещному миру».

Ю. Н. Захарук предложил также формулу ИД (исторической действительности): $ИД = O \cdot S \cdot K(D \rightarrow P)$, где S — общество, а O — природа, «являющаяся условием существования общества и функционирования культуры». Движущей силой этой «супер-системы связей, состояний и т. д.» является D , а носителем — S .

Ю. Н. Захарук призвал различать НИД (N — настоящая) и ПИД (P — прошлая). Конкретные феномены ПИД остаются в НИД в виде следов. Эти следы являются историческими источниками, от которых исследователи движутся к P , о них к D и K в целом и уже от последней — к изучению общества.

Автор доклада обратил внимание на существенное отличие феномена культуры от археологической культуры, которая характеризуется статичностью, изолированностью составляющих ее компонентов, неполнотой, фрагментарностью, нередко — компрессией (смещением в едином комплексе разновременных и разнокультурных объектов). Археологическая культура, по мнению Ю. Н. Захарука, как правило, совпадает с этносом.

Обсуждение докладов и дискуссия в основном свелись к нескольким проблемам. Прежде всего, обсуждению подверглось само определение культуры, предложенное Э. С. Маркаряном. При этом были высказаны различные точки зрения на это сложное и многогранное явление. Так, по мнению В. М. Межуева, культура — это «способность людей связываться друг с другом не на уровне норм, а на уровне смысла, что с точки зрения биологической нелогично». По мнению А. С. Мыльникова, культура — это «совокупность духовных потребительных ценностей как продуктов духовного (нематериального) производства, отражающих, выражающих и объективирующих общественное сознание и формируемых в конечном счете под воздействием материального производства».

Довольно большие споры вызвало определение «специфический способ деятельности», против которого возражали, например, С. А. Токарев и Г. Е. Арешьян. Ряд выступавших (Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев и др.) предлагали включить в определение культуры «результат деятельности», который Э. С. Маркарян рассматривает как компонент «способа деятельности». В то же время большинство участников (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, А. М. Хазанов и др.) с теми или иными оговорками приняли определение Э. С. Маркаряна.

Следующая проблема, затронутая в обсуждении, — культура как внебиологический феномен. На важность выяснения соотношения биологического и социального указывали Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов и др. Так, С. А. Арутюнов высказал мнение, что между культурой и некультурой нет резкой границы. По мнению Л. С. Клейна, слабое место концепции Э. С. Маркаряна заключается в том, что он за основу разгра-

ничения биологических и культурных явлений принял тип организации, ибо это порождает лишь новые проблемы (например, проблему критерия отличия общества от стада).

Отвечая выступавшим, Э. С. Маркарян указал, что из внебиологического характера культуры вовсе не вытекает отсутствие ее зависимости от биологических факторов, что существует, так сказать, «биологическая предопределенность» феномена культуры, который возник как «определенный общий механизм, направленный на поддержание определенного биологического вида».

В то время как одни выступавшие считали само собой разумеющимся понимание культуры как механизма адаптации к среде, у других это вызвало резкие возражения (В. М. Межуев и др.).

Обсуждению подверглась и проблема «аксиологического» и «дезаксиологического» подхода к культуре. Здесь оппонентом большинства участников симпозиума выступил Л. Л. Челидзе, настаивавший на невключении в понятие «культура» так называемых отрицательных явлений общественной жизни. Эта точка зрения не нашла поддержки у других выступавших (Ю. В. Бромлей, А. М. Хазанов, М. А. Членов).

Некоторые из участников симпозиума выражали свое согласие с принципом, по которому Э. С. Маркарян разграничивает духовную и материальную культуру. Других же выступавших изложенное в докладе обоснование этого критерия не удовлетворило. Так, по мнению Л. С. Клейна, уязвимое место имеется в предложении устанавливать «доминантную функцию» тех или иных элементов культуры, ибо это возможно далеко не всегда.

С. А. Токарев в своем выступлении предостерег участников симпозиума от опасности, которая заключается в отрыве от реальности, от познавательных целей и переключении внимания с действительности на изучение наших понятий о ней. Признавая важность поставленных в докладе Э. С. Маркаряна проблем, С. А. Токарев указал на то, что исследование в данном случае «превращается в разговор об общих понятиях, дефинициях, а последний — в самоцель».

Иная точка зрения содержалась в выступлении Н. Н. Чебоксарова, который говорил о нужности дискуссии подобного рода, ибо много ошибок и различных недоразумений происходит в результате разного понимания одних и тех же терминов.

На симпозиуме были подняты также проблемы, связанные с культурно-исторической типологией. Из них наиболее оживленному обсуждению, пожалуй, подвергся вопрос о соотношении археологической культуры и этноса. В то время как Ю. Н. Захарук полагал, что археологическая культура, как правило, совпадает с этносом, его оппоненты выражали в этом сомнение (Б. Б. Пиотровский, Н. Н. Чебоксаров, А. С. Клейн, А. М. Хазанов, М. Г. Рабинович). Некоторые выступавшие остановились на соотношении археологической культуры, с одной стороны, и хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических (или историко-культурных) областей — с другой.

Обсуждению подверглись также вопросы, связанные с разработкой таких понятий, как хозяйственно-культурный тип (ХКТ) и историко-этнографическая область (ИЭО). Если Н. Н. Чебоксаров считает и то, и другое локальными историческими типами, то Э. С. Маркарян, соглашаясь с таким определением ИЭО, настаивает на признании ХКТ общей исторической формой.

Мнения разделились и по вопросу о соотношении предметных областей археологии и этнографии — вопросу, на котором останавливались многие участники обсуждения (Г. Е. Арешьян, Ю. И. Мкртумян, Ю. Н. Захарук, М. А. Членов, Ю. В. Маретин, В. Р. Кабо, С. А. Арутюнов). У Ю. Н. Захарука археология фактически свелась к палеоэтнографии (по выражению Ю. В. Маретина), но ряд выступавших (М. Г. Рабинович и др.) не согласились с этой точкой зрения. По мнению М. А. Членова, например, попытки построить высший надкультурный уровень, где на широком фронте соприкасаются археология и этнография, не очень плодотворны, а контактируют эти науки лишь в сравнительно небольшом секторе.

В выступлениях некоторых этнографов (Ю. В. Бромлей, М. Г. Рабинович) прозвучало сожаление по поводу того, что не всегда философы и археологи достаточно хорошо знакомы с проблематикой и теоретическими исследованиями в этнографии.

В целом симпозиум показал необходимость и плодотворность междисциплинарной исследовательской кооперации в изучении проблем культуры.

А. Н. Кожановский